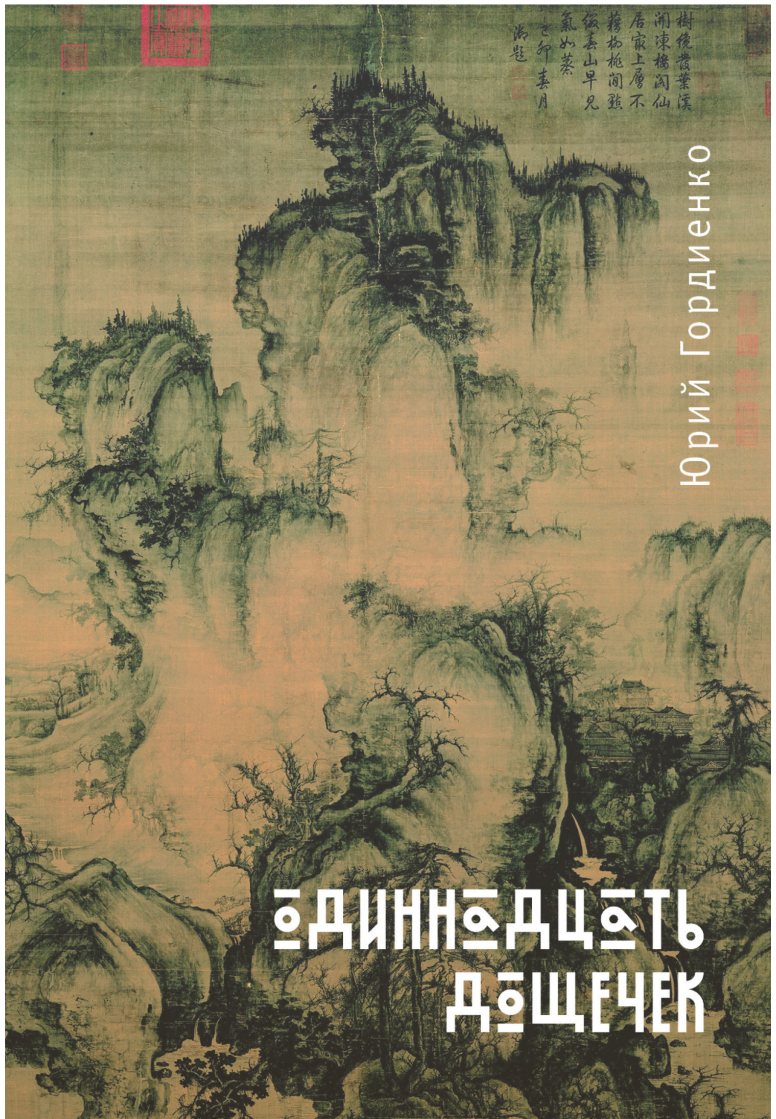

樹後蒼崖深
閑澗橋闌仙
居寂上層不
藉松栢間豈
嶽臺山早見
氣如蒸
乙卯春月
滿魁

Юрий Гордиенко

ӨДИННЭДЦЭТ
ДӨЩЕЧЕК

Юрий Петрович Гордиенко

Одиннадцать дощечек

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42660828

Гордиенко Ю. П. Одиннадцать дощечек (стихотворения и поэма):

Алетейя; Санкт-Петербург; 2018

ISBN 978-5-906980-68-7

Аннотация

Юрий Гордиенко, один из наиболее видных поэтов середины прошлого века, сумел оставить за собой богатое наследие. Судьба его была не легкой, но творческий потенциал был так велик, что требовал всей жизни для его реализации. Да, что там, не одной, бесчисленного множества совсем различных жизней, которые он проживал в стихах. Суровый фронтовик, он поражает нас такой проникновенностью в своей любовной лирике, что поневоле удивляешься, каков диапазон...

Но все же главные страницы здесь – поэма. Она писалась очень долго, по сути – мастер обращался к ней всю жизнь. Если назвать её – любимое дитя, вполне возможно это будет правдой. Во времена СССР была свирепая цензура, а все «Одиннадцать дощечек» так и дышат вольнодумством. Поэт решил поставить точку лишь когда в стране почувствовалось время перемен. В журнале «Континент» в Париже рукопись сумела выйти в свет, а в данном сборнике – первая публикация в России.

Когда речь о поэзии, нередок оборот – «запала в душу».
Вчитайтесь – в книге многое, что может так «запасть».

Содержание

Лишь пропасть расстоянья	6
Избранные стихотворения	11
«Мы шли под пули, в стужу дрогли...»	11
Бык	13
Рикша	14
«...»	15
Поэт	16
Верблюжонок	19
У подножия Копетдага	20
Афродита	22
Зимняя сказка	24
Паруса	27
«Ночной перрон...»	30
Репей	33
Галилей	34
«Может быть, ты живешь в Берлине?..»	36
«Обронив...»	38
«Аэродромной осени...»	41
«Голоса с того света...»	43
Апрель	45
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Юрий Гордиенко

Одиннадцать дощечек

© Ю. П. Гордиенко, наследники, 2018

© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2018

* * *

Лишь пропасть расстоянья Об авторе и о его стихах

В руках только вышедший из печати сборник. Его автор – Юрий Гордиенко, поэт известный, именитый. При жизни было издано более десяти книг его сочинений. Не говоря о публикациях в журналах и газетах, о выступлениях на радио, о творческих вечерах. Загляните в интернет – легко отыщите страницы биографии поэта, его книги. Вот только вид у них казенный, электронный. Какое может быть сравнение с теплом живого томика стихов.

Когда у восемнадцатилетнего юноши арестовали и расстреляли отца, крупного партийного деятеля, объявив его врагом народа – разве жизнь поэта, всей семьи его тогда оборвалась? В ней обнаружилась «ЛИШЬ ПРОПАСТЬ РАССТОЯНИЯ» – так обрисует это в будущем поэт.

Зато из пропасти еще виднее звезды. И слово «реабилитация» – никак не памятник погибшим без вины.

Ну, а потом была война. Артиллерийским разведчиком, корреспондентом фронтовой газеты Юрием Гордиенко был написано множество стихов.

Мы шли под пули, в стужу дрогли,
Мы бой вели четыре дня
И, взяв рубеж – везенье, рок ли,

– Живыми вышли из огня.

А в более поздний период есть у Гордиенко стихотворение, которое называется «Зимняя сказка». Оно очень светлое, доброе, о том, что:

звуки
замерзают на морозе
и льдинками
становятся слова,

Его друг-поэт однажды прочитал его по памяти в далеком поселке для собравшихся на поэтический вечер (так пишет он в воспоминаниях). В конце вечера одна из слушательниц подошла к нему со слезами на глазах, и поцеловала. «Спасибо за „Сказку“ – сказала она. – Как будто легче стало жить». «Художник призрачно и хрупко / Наметил каждую черту...», – так писал о творчестве сам Юрий Гордиенко, совсем не ведая, откуда что идет.

Он был почти всегда непредсказуемым и разным. Кто был знаком с ним лично – подтвердит. Подчас подтянутым и строгим, как бы противником ненужных обстоятельств. Подчас – решительным, а временами и веселым, добродушным. И, глядя на него, не редко возникали вдруг из памяти Евангельские строки:

«Если не будете как дети,

не войдете в Царство Небесное».

Открытым, чистым, как ребенок был этот мужественный взрослый человек. И, может, вследствие того, приоткрывалось ему будущее. Должно быть – в лучшие минуты вдохновения. К примеру – «Старому поэту». Вокруг стихотворения почти что мистический ореол. Оно посвящено живому, с психологически конкретным описанием, как будет выглядеть реальность, когда тот умрет.

Юрий Гордиенко с внуком Антоном в Сибири

Но обратимся снова к сборнику. Издание не рядовое, примечательное, потому что здесь впервые в России напечатана поэма Юрия Гордиенко «Одиннадцать дощечек». Он писал и переделывал ее на протяжении многих лет, а потом, по просьбе Владимира Максимова, главного редактора журнала «Континент», издаваемого в Париже, отдал ему для публикации. (См. «Континент» № 63 за 1990-ый год).

Теперь, благодаря издательству «Алетейя», поэма издана в России.

Смерть настигла поэта неожиданно. Он был не стар, шел на поправку после рядовой операции, когда вдруг...

Дочь Анна прилетела из Америки. И как в тумане вспоминается ей гроб, и в нем покойник. И до сих пор она не верит, что отец ушел.

Вслед за кончиною отца, у Анны, тоже поэтессы, родились такие строки:

В транзитном крематория угаре
Держу я ландыши вспотевшею рукой.
Биенья сердца, как весла удары
В озера слез, невыплаканных мной.

Андрей Семилейский

Избранные стихотворения

«Мы шли под пули, в стужу дрогли...»

* * *

Мы шли под пули, в стужу дрогли,
Мы бой вели четыре дня
И, взяв рубеж – везенье, рок ли, —
Живыми вышли из огня.

Бредя по полю снегом талым,
Вошли околицей в село...
И вдруг домашний звон гитары
К нам горьким ветром донесло.

Нам звук струны казался дивом.
Мы ход замедлили, топчась:
Должно быть, нас опередила
Другая воинская часть.

Под сапогом ледок ломался.
Пора бы трогаться давно,

Но все еще слова романса
Лились в открытое окно.

Не просто песня долетала,
Но – обещание и весть,
Что в мире есть еще гитара
И женский голос в мире есть.

1943

Бык

Он был красив
И там, у проруби,
Боднувший рогом снежный наст.
Светилось небо
В тусклом олове
Его тяжелых мертвых глаз.
Следы вокруг
Снежок заваливал,
Студил простреленный висок.
Из ляжки ножиком
На варево
Был кем-то выхвачен кусок —
Все, что война из этой туши,
Убийством сытая,
Взяла...

В шинели кутаясь от стужи,
Мы мимо шли.
Метель мела.

Рикша

Трубил, трубил, трубил рожок,
Двоились уличные дали,
Дымясь, асфальт подошвы жег,
Мелькали стертые сандали,

Холодным потом рикша мок,
И целый день – в тоске ли, в злобе ль
Бежал... И убежать не мог
Из полированных оглобель.

Мукден, 1946

«...»

* * *

Разве я тебя любил сначала?
Разве я с тобою был знаком?
Мы толклись, как лодки у причала,
Схваченные вдруг одним замком.

Что желать им? Что им вспомнить за день?
Кроме жалоб в скрепках и болтах,
Кроме небольших толчков и ссадин,
Кроме шрамов мелких на бортах?

Их союз бесплоден был и скучен,
Были дни и ночи не милы:
Только нудный-нудный скрип уключин,
Только привкус моря и смолы.

1953

Поэт

В. А. Луговскому

В первоначальной редакции стихи эти не имели посвящения, хотя, когда писались, имелся в виду, конечно же, Луговской. Портрет старого поэта списан с него, но, пожалуй, не только с него. Мне казалось, что тут есть некое обобщение.

Не зная, что Владимир Александрович ведал стихами в «Октябре» – известном толстом журнале, – я оставил в редакции это и ещё два стихотворения и уехал в Туркмению. Там я узнал о смерти Луговского в Крыму.

По возвращении из Ашхабада я зашел в редакцию «Октября». Мне сказали:

– Ваши стихи были последними, которые он посмотрел перед отъездом в Крым. Два их них он одобрил. А вот об этом, о «Старом поэте», ничего не сказал...

Иль одиноко
Стало вдруг поэту,
Иль старость одолела,
Как беда?
Он по перрону,
Как по кабинету,
Шагает не спеша
Туда-сюда...

Он никого не ждет.
И тем не менее
Пришел сюда,
Не зная почему.
Как будто этим скорым
Из Туркмении
Могла вернуться
Молодость к нему.

То красный и зеленый,
То лиловый —
Мелькают светофоры вдалеке.
А он все ходит, все глядит,
Суровый,
Тяжеловатый
И косматобровый,
С увесистою палкою в руке.

Пусть смерть близка!
Старик её обманет.
Не зря когда-то
Был он крепко сшит!
Хозяин трости
Днем и ночью занят
Огромною работой.
Он спешит.

И жизнь свою

Переживая заново —
Любовь, походы,
Звезды и пески,
Друзей, врагов, — все, все
С начала самого
Пером заносит
В беглые листки...

Наступит день —
Придет сосед проститься,
Его друзья
Ему закажут гроб,
Большой закажут гроб,
Чтоб уместиться, —
Как арсенал,
Или бездонный грот.

Оставив близких,
Чуждый миру вечности,
Всё завершив,
Покоясь, он лежит...
Жизнь не ему уже, не им,
Но вечности,
Воскреснув под пером,
Принадлежит.

Верблюжонок

Зимой верблюжонка верблюдица
Покинула у шалаша.
Попонкой – боясь, что простудится, —
Хозяин укрыл малыша.

Заботу хозяина-шорника
Почуяв, он вздрагивал кожей,
На маленького беспризорника,
Забытого всеми, похожий.

Тянулась тропа караванная
За гребень песчаной гряды,
И выюга стирала нежданная
Большие – в тарелку – следы.

1957

У подножия Копетдага

Я остаюсь
В предгорьях Копетдага,
В краю минувшей только что беды,
В том городке,
Где не ступить и шага,
Чтоб не наткнуться на её следы.

Днем у ларька
Под полотняной сенью
Шумит старик,
С которым пиво пью,
И глухо плачет:
В ночь землетрясения
В квартале этом
Потерял семью.

То здесь, то там —
Труба печная в груди
Стекла, бетона, битых кирпичей...
Был дом и сад,
Где обитали люди,
И – ни души...
Сад неизвестно чей.
В нем не журчат арыки
И безгласны

Безлистые березки-голыши...

Ты жить со мной
В том городе согласна?
Ответь не вдруг.
Подумай, Не спеши.
Ведь, может быть,
Из недр земли осенней
То, страшное,
Оно придет опять,
Опять придет...
И в ночь землетрясения
С тобой нас
Не успеют откопать.
Лишь подтвердит
Казенная бумага,
Что найдены
Под рухнувшей стеной...

Скажи мне,
У подножья Копетдага
Ты и теперь
Согласна жить со мной?

1957

Афродита

Как, однако, живуч
Скептицизм в человеке!
Он родился во мне
Перед классной доской.
Думал я: что плетут
Эти древние греки
О какой-то богине
Из пены морской?

Чудаки!
Но, считая себя эрудитом,
По-мужски свои волосы
Дыбя ершом,
Я запомнил,
Что звали ее Афродитой
И что в книгах
Рисуют ее нагишом.

Лишь вчера
Я поверил тем грекам,
Не прежде,

Бросив книги, друзей
И уют городской,
В сорок лет

На пустынном
Ночном побережье,
Когда ты выходила
Из пены морской.

1958

Зимняя сказка

Когда-то
в теплой кухне, при огне,
уставшему кататься на салазках,
мне бабушка
рассказывала сказку
об очень дальней
северной стране.

На старой – шаль
и мягкой шерсти козьей.
Она сидит
в своей спокойной позе.
И верилось, что бабушка права:
что звуки
замерзают на морозе
и льдинками
становятся слова,

что можно их
везти с собой в карете
за сотни верст,
и если, говорят,
внести в тепло
немые льдинки эти,
они оттают и

заговорят...

Я стал большим,
я в мир ушел из дома.
И побывать
пришлось однажды мне
в той,
по рассказам бабушки знакомой,
в той очень дальней
северной стране,
где ты жила...

Что было между нами?
Обутые в мохнатые кисты,
бежали, чтоб согреться, за санями
и терли побелевшие носы.
Я помню смех твой,
ласковый и тихий,
поющие по снегу полоза,
твои большие,
как у оленихи,
с огромными ресницами
глаза...

Весной, когда
сломала с громом льдины
и в океан их вынесла река,
простились мы,
и я легко покинул,

охотничий поселок в три дымка.

Слова любви твоей,
твоей печали,
из песни той,
что пела ты, грустя,
казавшиеся льдинками вначале,
оттаяли в душе
и зазвучали
в краю ином
и много лет спустя.

На даче, в Подмосковье,
при огне,
уставшему кататься на салазках,
я внуку пересказываю сказку
об очень дальней
северной стране.

Я говорю,
в привычной сидя позе
и щурясь на горящие дрова:
– Там звуки
замерзали на морозе
и становились льдинками
слова...

Паруса

К. Паустовскому

Явился пар, и умер парус
Лет сто назад, давным-давно.

Лежал в тумане Петропавловск,
Когда я, встав, открыл окно:
С бортами, затканными тиной, —
Ещё в пути, в полете вся! —
Стояла в бухте баркентина,
Убрал косые паруса.

Вчера тайфуны ей грозили,
Ладьи данков к ней скользили,
С неё вели жемчужный лов,
Сандал и рис на борт грузили
У Марианских островов...

Как на старинной акварели,
Застыли над стоянкой барж
Её стремительные реи,
Её бегучий такелаж.

Художник призрачно и хрупко
Наметил каждую черту...

Добравшись к ней с попутной шлюпкой,
Я огляделся на борту.
Увидел я подсвинка в клетки
И захпамленную корму.
Механик в выцветшем берете
Меня наставил что к чему.
С лицом лоснившимся и черным
Он, отложив свои дела,
Растолковал мне, что моторной,
Его посудина была.

Что это – дизельная барка,
Что лишь прибрежной полосой,
Треща по швам, пыхтя соляжкой,
Она таскала лес да соль,
Что, в каботажных рейсах маясь,
Она повылиняла вся,
Что никогда не поднимались
Её косые паруса...

Так я ни с чем назад вернулся.
С холма, от бухты за версту,
Я вдруг случайно оглянулся
На барку дизельную ту.

Вставало солнце. Было тихо.
Синели море и леса.
С бортами, затканными тиной,

Стояла в бухте баркентина,
Поднять пытаюсь паруса.

Одна среди судов железных,
Пустивших в небо дым густой,
Она светилась
Бесполезной
Неумиравшей красотой.

1960

«Ночной перрон...»

* * *

Ночной перрон.
И скорый – под парами.
Когда-то он
Со мной назад придет?
...Ты будешь
Так свободна вечерами,
Что сможешь все,
Что в голову взбредет.

А я в пути,
Увидев даль иную,
Иные земли,
Звезды и луну,
Не обману тебя,
Что не ревную.
Кого? Зачем?
Надолго ль обману?

Уже боюсь...
Чего боюсь – не знаю.
Нет никакого

Повода к тому.
Быть может это
Просто так, родная,
Взгрустнулось мне
В дороге одному.

И все ж... А вдруг...
С хорошей и не лживой,
Вдруг и с тобой,
С тобой случится так:
Пройти захочешь
Кромкою обрыва,
Оступишься —
Неосторожный шаг!

Потом, спеша куда-то
И тоскуя —
И так бывает, —
Дашь себе зарок...
Но пусть обманешь ты
Молву людскую,
Пусть не дойдет она
На мой порог, —

Любовь уже
Как треснувшая рельса:
На тихом перегоне
При луне
Еще блестит,

Поет от рейса к рейсу,
Но страшно,
Что она на полотне.

1960

Репей

На исходе киргизского лета,
Над курганами Чуйских степей,
Расцветает малиновым цветом
На высоком стебле репей.

На закате, когда волоконца
Легкий ветер поднимет в полет,
В гриву лошади маленьким солнцем,
Золотясь, репей упадет.

Без дороги, в пургу и ливень,
Через тысячи гроз и бед,
На косматой спутанной гриве
Унесет его конь в Тибет...

Там, в горах, на скалистой площадке,
Над потоком, что пенит волну,
Он проснется в малиновой шапке
Поглядеть на чужую страну...

Галилей

Я уснул над работой...
Мне снилось, что я Галилей,
Что пишу не стихи – диалоги
Суровою прозой.
Вопреки покровительству
Герцогов и королей,
Инквизиция в Риме
Меня вызывает к допросу.

Как? Безумец? На склоне
В смирении прожитых лет,
Флорентиец зазнавшийся,
Как я пытаюсь и смею
Колебать нашей церкви
Божественный авторитет
И, как равному равный,
Шутя возражать Птолемею!
Я стою перед судьями...
С ними – святой Доминик,
С ними дыба с набором
Таинственных блоков и вилок;
Суд листает страницы
Моих еретических книг
И мои показания вносит
В объемистый свиток.

В простоте и неведенье
Шлют они за палачом;
Мышь летучая с писком
Ширяет в тени капюшонов...
Просыпаюсь от этого писка —
Приемник включен!
Это Спутник с Землей говорит
Сквозь космический шорох.

1963

«Может быть, ты живешь в Берлине?..»

В. Г.

Может быть, ты живешь в Берлине?
В колбах взвешиваешь бериллий...
Изменить ничего не в силе,
Ты глядишь на чужое небо.
Крохой девочкой из России
Увезенная в годы нэпа.

А быть может, ты не в Берлине?
Может быть, тебя застрелили?
Тот – тебя за упрямство клявший,
Что любил тебя, проклинал,
Фронтвик, по тебе стрелявший,
Угодивший под трибунал.

А быть может, ты не убита,
Просто мною давно забыта?
И тебе твой муж улыбается
Посреди иного уюта,
На Шпицбергене, за море Баренца
Улетевший с тобою с юга.

Ни разведчица, ни актриса
С баснословною антрепризой.
Под рукою твоей – не клавиши,
Не в Берлине ты, не на кладбище,
Не в соседских, не в дальних странах
В блеске рампового огня....

Удивительно как и странно,
Что в Москве ты. И ждешь меня.

1963

«Обронив...»

* * *

Обронив
Платочек голубой,
Женщина
Покончила с собой.

– Ой, не знают сами,
Что творят!
Надо же! —
Соседи говорят.

Мудрствуют
Всезнающие лбы:
– Если бы,
Когда бы, да кабы...

А она,
Она ушла с земли
Потому, что мы
Не корабли.

Корабли —

Сосем другой народ,
У любых долгот,
Любых широт,
Сходятся в эфире —
Как в гостях,
О треске толкуют,
О снастях
И о том,
Что трюмы их пусты,
Хоть на днищах
«Бороды» густы.
Каждые, однако, полчаса
Разом
Их смолкают голоса.

Три минуты корабли молчат,
Все на свете корабли
Молчат,
Чтоб их в море
Вовремя догнал
Одинокий
Бедствия сигнал,
Чтоб идти на голос
И спасти...

Женщина,
Ты нас, людей,
Прости.

1967

«Аэродромной осени...»

Аэродромной осени
Нелетность.
И наша разделенность,
Разделенность.

Ты скажешь: «Ну о чем?
Полсуток, сутки...
Чудак! Таскает страх
В сердечной сумке».

А мне она понятна,
Эта робость.
Бывают дни обрывисты,
Как пропасть.

Бывают дни,
О них не знаешь ты,
Когда внезапно
Рушатся мосты.

Ни брода не найти уже,
Ни лодки.
Лишь видно,
Как уносятся обломки.

И от всего,
Что прежде было явью, —
Лишь пропасть, пропасть,
Пропасть расстоянья.

1969

«Голоса с того света...»

В. Г.

* * *

Голоса с того света! —
В полуночный час
Удивлялись ответам
Спириты подчас.
Допотопные бороды,
Воротнички...

Были в деле подобном
Они новички.
Мы смеемся сегодня
Над их простотой
И над их легковерьем...
Однако постой!

Эти черные диски
Застывшей смолы
Под алмазную искрой
Поющей иглы,
С голосами актеров,

Умерших давно,
Тех, с одним из которых
Мы пили вино,
А с другим колесили
До рассвета в такси,
Заодно с ним басили —
Хоть святых выноси!

Ты постой! Да ведь это
В полуночный час
Голоса с того света
Нам с тобою звучат!
Словно нет на Ваганьковском
Свежей плиты...

Я уйду.
Одинокой
Останешься ты.

Позабудешь обиды
И простишь мне грехи.
Я тебе с того света
Почитаю стихи.

Апрель

I

Каюта каботажника мала.
День за спиною – в хлопотах и сборах.
Ты подаешь мне руки, на которых
Налипла корабельная смола,
Глядишь вокруг отсутствующим взглядом.
Не торопись... У этих берегов
Так хорошо пройти с тобою рядом
Еще по жизни несколько шагов.

Как тихо здесь! Река одета в камень.
Лишь девушки внизу стучат вальками.
Теперь июль. На кровлях черепичных

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.